

8. Щетинин Л. М. Об историческом воздействии регионального культурного фонда на развитие антропонимии Подонья // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXV. Ономастика. Кн. 1. Ч. 1. Имя и культура. М., 1993. С. 81-88.
9. Щетинин Л. М. Русские имена (очерки по донской антропонимии). Ростов н/Д.: Изд-во Рост. гос. ун-та, 1975.

Е. В. Купчик (Тюмень)

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В АВТОРСКОЙ ПЕСНЕ

Собственные имена занимают в художественном произведении важное место. Назначение антропонимов в тексте — обозначить личность, дать ее характеристику, создать общее оценочное представление о носителе имени и оказать эмоционально-стилистическое воздействие на читателя [Фролов, 1994. С. 164]. Мы предприняли попытку рассмотрения антропонимов, выделенных из текстов классиков жанра авторской песни М. Анчарова, Ю. Визбора, В. Высоцкого, А. Галича, А. Городницкого, Ю. Кима, Б. Окуджавы [см. 2].

Наш материал включает в себя несколько разрядов антропонимов. Традиционным для авторской песни является обращение к именам авторов литературных произведений. Данная группа антропонимов — одна из наиболее представительных. Максимальное количество номинативных единиц отмечено в произведениях В. Высоцкого, Ю. Визбора, А. Городницкого и Ю. Кима. К именам авторов произведений разных стран и времен чаще обращаются Высоцкий (Алигьери, Байрон, Шиллер, Пушкин, Маяковский и др.) и Ким (Гете, Байрон, Шекспир, Островский...). Другие авторы называют преимущественно отечественные имена XIX-XX вв. У Анчарова это Пушкин, Окуджава, Высоцкий, Матвеева; у Визбора — Пушкин, Гоголь, Достоевский, Заболоцкий...; у Галича — Пушкин, Цветаева (обозначена как Марина), Бабель...; у Городницкого — Пушкин, Лермонтов, Вяземский, Блок, Пастернак...; у Окуджавы — Пушкин, Чехов, Высоцкий, Визбор (обозначен как Юра), Ахмадулина (обозначена как Белла).

Среди повторяющихся у разных авторов имен на первом месте оказывается антропоним «Пушкин». Сделанный в отношении В. Высоцкого вывод А. А. Евтюгиной о том, что значимость парадигмы, связанной с данным именем, свидетельствует о близости миропонимания поэтов и о продолжении Высоцким русской культурной традиции [Евтюгина, 1995. С. 10], мы считаем возможным экстраполировать на творчество и других классиков авторской песни. Личность русского гения глубоко небезразлична для авторов «поэтической песни», которые иногда прямо декларируют духовное родство с ним («На фоне Пушкина» Б. Окуджавы и др.). Повторяются имена Высоцкого, Окуджавы, Визбора, Грина.

Тема судьбы творческого человека в авторской песне предстает в разных ракурсах. Так, если для Б. Окуджавы или М. Анчарова важен не столько биографический, сколько творческий момент, то В. Высоцкий, А. Галич, А. Городницкий, как правило, внимательны к конкретным фактам биографии человека, названного именем собственным. Чаще всего речь идет о трудной, нередко трагической судьбе. Это характерно, например, для А. Городницкого, в творчестве которого весьма отчетливы мотивы страдания и смерти (песни о Пушкине, Лермонтове, Блоке). В минимальном контексте имя может оказаться в соответствующем лексическом окружении: «Под эту цифру Пушкин подгадал себе дуэль И Маяковский лег виском на дуло» (Выс.); «В сентябре на допрос взяли Виктора Хару И гитару его на допрос увели» (Визб.); «Ну, писал там какой-то Бабель, И не стало его — делов!» (Гал.). Отметим, что героем таких песен часто оказывается именно поэт, причем в известном смысле «родственный» автору в твор-

ческом отношении. Уже сам подбор имен дает представление о литературных приоритетах автора, о близости его к той или иной поэтической традиции (наиболее яркая параллель — Окуджава—Пушкин). Повторяемость в текстах разных авторов имен Окуджавы, Высоцкого и Визбора также может служить свидетельством некоей творческой общности — при всем несхождении поэтических индивидуальностей.

Автор литературного произведения, обозначенный в тексте собственным именем, практически всегда получает оценочную характеристику. Оценка, как правило, высока и не зависит напрямую от творческих достижений того, кому она дается. А. Городницкий, отмечая: «Нас не вспомнят в избранном — Мы писали плохо. Нет печальней участи Первых петухов», констатирует: «Вместе с Юрой Визбором Кончилась эпоха — Время нашей юности, Песен и стихов».

Собственное имя репрезентирует определенную систему ценностей и тогда, когда личность его носителя не занимает в тексте места главного героя и не становится предметом специального рассмотрения. Показательна в этом отношении песня Ю. Визбора «Спутники»: «По республике Цветаевой, Через область Заболоцкого С нами шла высоковольтная Окуджавская струна. Поднимались даже в горы мы, Покидая землю плоскую, Между пиком барда Пушкина И вершиной Пастернак» и т. д.

Авторитетный для говорящего литературный деятель может оказаться в роли собеседника лирического героя. Общение не всегда мыслится как возможное, (но его легко можно представить: «Старый Грин, что мечтой прокуренной Тьмы порвать не сумел края, Нам за то, что набедокурили, Шлет привет» (Анч.); «И Светлов подмигнет со стены» (Гор.); «И вот уже Вильям Шекспир Тебя в таверну вводит» (Ким). В текст могут вплетаться цитаты из любимых авторов напр.: «Антон Палыч Чехов однажды заметил, Что умный любит учиться, а дурак учить» (Ок.); «Да здравствует разум! Да здравствуют музы! Да здравствует Пушкин! Да скроется тьма!» (Анч.).

Употребительны в авторской песне имена литературных и мифологических героев. Перечень имен наиболее разнообразен у В. Высоцкого: Кассандра, Черномор, Гулливер, Джульетта... А. Городницкий обращает внимание на имена античных героев (Тезей, Телемак, Пенелопа, Одиссей). Для Ю. Кима с его интересом к средневековью значимы имена Дон Кихота, Дульсинеи, Яго, для Ю. Визбора — булгаковского Фагота и др. Имена Гамлета, Джульетты, Офелии, Маргариты, Дульсинеи встречаются у разных авторов, при этом «эксплуатируются» соответствующие комплексы ассоциаций; но абсолютное большинство литературных номинаций относятся к неповторяющимся. Автор-герой высказывает свое отношение к герою литературному («Милый Ленский, глупый Ленский, Симпатичный неврастеник» — Гор.), сопоставляет с ним себя («Ты мой зайка, дружок, ты мой зайка. Ты мой зайка, я дед твой Мазай» — Визб.) или одного из своих персонажей («Такая жизнь — плохая жизнь — У современной Золушки — Гал.). Отметим, что для А. Галича особенно характерен контраст «литературного» и обыденного. Сказочная героиня теряет в современной ей действительности романтический ореол. Так, Красная Шапочка — детское прозвище женщины, чья «взрослая» жизнь не сложилась. Если героине песни А. Вертинского «лиловый негр... подает манто», то у Галича «правнук лилового негра Приедет за займом в Москву», и «тихая пани Ирэна Наденет на негра пальто». Цитата из сладкой любовной песни («Рамона, моя любовь...») звучит при обыске в доме Мандельштама.

В произведениях классиков авторской песни в той или иной степени находит отражение тема музыки. Имена Моцарта (Окуджава, Ким, Визбор), Баха (Анчаров, Ким, Галич) и др. выступают как знаки высокого. Бах на равных бе-

седует с божеством, и сами их номинации «родственны»: — С добрым утром, Бах, — говорит Бог. — С добрым утром, Бог, — говорит Бах» (Гал.); на пример известных музыкальных деятелей ссылаются персонажи песен разных авторов: «И наконец — Бетховена спроси — Без ноты си нет ни игры, ни пенья» (Выс.); «Без розги обойтись не мог Ни Бах, ни Моцарт, ни Россини» (Ким). Сравнение с известным певцом служит для выражения высшей похвалы у М. Анчарова: «Босая косопузый, Военною порой Ты помер, как Карузо, Ты помер, как герой!». Повторяющееся у А. Галича имя Шопена связано с похоронами: «Но уже месткомовские скрипочки Принялась разучивать Шопена»; «И терзали Шопена лабухи». Имена эстрадных исполнителей привлекаются с целью характеристики персонажа («Говорят обо мне, что я в профиль — Утесов» (Ким.), а у Высоцкого оказываются одной из примет определенного времени — напр., в «Жертве телевидения: «Все на дому: самый полный обзор: Отдых в Крыму, ураган и Кобзон... Сто негодяев захвачены в плен, И Магомаев поет в КВН».

Немногочисленные имена деятелей театра и кино употребляются, как правило, вне связи с творческой судьбой их обладателей. Имя выступает как своего рода знак «красивой жизни», отчужденной от бытия «обычного» героя: «... у папы у ее пайки цековские И по праздникам кино с Целиковскою» (Гал.); «Но что ей до меня? Она была в Париже — Ей сам Марсель Марсо чевой-то говорил» (Выс.). Часто такие имена соседствуют в тексте со стилистически сниженной лексикой: «И, сопя, уставится На экран мурло. Очень ему нравится Мэрилин Монро» (Гал.); «Известный всем Марчелло В сравнение с ним — щенок» (Выс.) — ср. также «у ее» и «чевой-то» из вышеприведенных примеров. Поскольку имя артиста обычно звучит из уст «простого» героя, то соответствующие контексты несут печать разговорности: «Еще артиста знаем — Радж Капюра» (Выс.). В песне Ю. Кима «Старая театралка» имена знаменитых артистов звучат из уст пожилой гардеробщицы, обрисованной автором с некоторой иронией: «Меня Смоктуновский подвозит домой! Или Миша Ульянов... Или Толя Папанов... Однажды — Миронов! Шесть раз — Броневой». Вместе с тем отметим, что театральная тема важна для классиков авторской песни, некоторые из них имели непосредственное отношение к театру, а также кино.

У разных авторов встречаются имена художников. Имя оказывается своего рода характеристикой героя — напр., у М. Анчарова: «Ему родней был Пикассо, Кандинский и Сезанн» — ср. имена Чюрлениса и Левитана в «Спутниках» Ю. Визбора, его же «художника Дали». Кроме того, имя художника упоминается в связи с его произведением — Леонардо да Винчи («Мона Лиза»), Рафаэль («Мадонна»). В песне А. Галича «Читает красотка с картины Вермеера Письмо, что написано мной». В стихах А. Городницкого фигура художника или его полотно оказывается смысловым центром текста («Рембрандт», «Питер Брейгель», «Камиль Кору»), но для песенных текстов употребление этих имен не характерно.

Одним из свидетельств важности исторической темы для авторской песни является обширность списка имен государственных (и общественных) деятелей в текстах ряда авторов. Это имена глав государств (Цезарь, Нерон, Петр, Александр, Сталин, Никсон), военачальников, завоевателей (Наполеон, Буденный, Мамай), политиков, должностных лиц разного масштаба (Бенкендорф, Черчилль, Киров, Молотов, Риббентроп). Наиболее представителен соответствующий именник в песнях В. Высоцкого. В диалогах и монологах его героев имена исторических деятелей выступают в качестве не только примет эпохи, но и средства характеристики персонажей. Именуя личность, герой обычно высказывает — в русле господствующей идеологии — отношение к ней: «Говорю: «Моше Даян — сука одноглазая, — Агрессивный, бестия...»; «Это их худые черти бермутят воду во пруду. Это все придумал Черчилль в восемнадцатом году!»; «Кстати, вашего

соседа забирают, негодяя, Потому что он на Берию похож!». В песенных текстах А. Городницкого представлены имена русских царей (Петр, Павел, Александр) и исторических деятелей двадцатого столетия (Сталин, Молотов, Риббентроп), а также имена государственных деятелей иных стран и времен: Брут, Понтий Пилат, Генрих Шестой и др. Отметим, что историческая тема является одной из важнейших в творчестве поэта, которого Натан Эйдельман назвал «тонким, глубоким историком». А. Галич использует имена Сталина, Буденного, Мамаева при рассуждениях о дне сегодняшнем. Имя Сталина повторяется у разных авторов — прежде всего в связи с темой репрессий.

Имена исторических лиц в рассмотренных нами текстах других авторов встречаются эпизодически. У Ю. Кима это Нерон, Наполеон, Раевский, у Ю. Визбора — Красин и Киров (как названия ледников).

Небольшую группу составляют номинации людей, оставивших след в истории каким-либо поступком или связанные, со значительно более известной личностью: Желябов, Перовская, Мартынов (Гор.), М. Руст (Ким), Арина Родионовна (Гал.)

Весьма значительную, но неоднородную группу составляют имена представителей разных профессий, видов занятий. Это ученые — Эйнштейн (Выс., Ким, Анч., Гал.), Галилей (Ким, Гор), Ньютон, Рентген, Ломоносов (Ким), Понтекорво (Выс.); философы — Сократ, Диоген (Ким); деятели медицины — Склифосовский, Кащенко, Боткин, Пирогов, Бурденко (Выс.), Эскулап, Гиппократ (Ким); мореплаватели — Колумб, Магеллан (Гор., Выс.), Кук (Выс.); деятели спорта (футбол, шахматы, альпинизм и др.) — Третьяк (Ким), Щагин, Хергиани (Визб.), Пеле, Бышовец, Фишер, Таль и др. у Высоцкого.

Особо выделяется значительная по объему группа имен вымышленных персонажей, многочисленных в песнях Высоцкого и Галича. В большинстве случаев это традиционные русские христианские имена Иван, Николай, Александр, Сергей, Владимир, Виктор, Мария, Надежда, Тамара и др., представленные в разнообразных формах. В тех случаях, когда речь идет о персонажах иной национальности, используются иноязычные имена — также типичные в соответствующем антропонимиконе, напр., Пьер и Жан в «Письме к другу» В. Высоцкого, Нуна в «Итальянском каприччио» Ю. Кима и др. В большинстве случаев номинация персонажа ограничивается собственным личным именем.

Антропонимы в авторской песне выступают в различных формах. Выделяются следующие однословные модели: фамилия, имя, прозвище; двусловные: имя + фамилия, имя + отчество; трехсловные: имя + отчество + фамилия. При выборе той или иной формы автор, ориентируясь на существующие традиции именования, пользуется возможностью дать собственную характеристику упоминаемого лица с точки зрения его положения в обществе, культурного уровня и т. п., а также показать свое к нему отношение.

Фамилия. Семейным именем обозначены прежде всего известные лица — поэты, государственные деятели и др. Такая номинация общеупотребительна, нейтральна. Оценка той или иной личности, отношение к ней передается здесь не знаком имени, а другими средствами, напр: «... роскошный герой — Буденный — На роскошном скакал коне» (Гал.). Именование перестает быть нейтральным при отнесенности его к человеку, близкому для героя, напр., члену его семьи. В качестве примера можно привести «Красный треугольник» А. Галича с его классическим «жена моя, товарищ Парамонова». Герой именует супругу по фамилии (иногда с приложением «товарищ») даже в беседе один на один, что вполне определенно говорит о характере отношений супругов и особенностях среды, к которой они принадлежат.

Личное имя. Практически у всех авторов анализируемых нами текстов персонажи сравнительно редко называются полной формой личного имени. Такая форма избирается для обозначения почитаемых персонажей. Употребление женских полных имен характерно для Б. Окуджавы с его возвышенным отношением к женщине — Вера, Надежда, Любовь, Мария, Наталия. Именно в полной форме имен Вера, Надежда, Любовь выявляется символический смысл этих значимых для поэта номинаций. Полным вариантом имени называются персонажи, по отношению к которым говорящий по той или иной причине несколько дистанцируется: «И тут же, подавив смешок. Он сам себя спросил: «А для чего он взял мешок? Ответьте, Даниил!» (Гал.); «Жили-были два громилы Огромной жуткой силы — Братья Пров и Николай» (Выс.).

Значительно чаще классики авторской песни прибегают к бытовым, сокращенным формам личных имен. Выбор той или иной формы зависит от отношения к данному персонажу автора или другого персонажа, коммуникативной ситуации, возраста и т. д.

Положительно маркируются формы имен, принадлежащих людям, пользующимся симпатией автора. У Окуджавы и Визбора с их вниманием к теме «чувств добрых» такие формы составляют большинство в разряде личных имен: у Окуджавы — Надя, Наденька, Ваня, Маруся, Гриша, Оля, Юра, Витя, Володя; у Визбора — Верочка, Ванюша, Аркаша, Алеша, Юраша, Климаша, Володя. У Ю. Кима формы типа Наденька, Машенька используются главным образом по отношению к детям.

Формы с суффиксами субъективной оценки амбивалентны. Имена Санька, Тамарка у Визбора, Гошка у Анчарова, Сашка, Наташка, Алешка у Кима, Ленька у Окуджавы, относящиеся к положительным персонажам, не несут в себе уничижительности. У М. Анчарова «Гошкой» называет геройски погибшего десантника сам Господь; у Ю. Кима «уменьшительность» присутствует в форме имени, «ласкательность» — в контексте: «Баю-баюшки, милые крошки, Наши Сашки, Наташки, Алешки».

Чаще всего уничижительные формы вполне коррелируют с контекстом, что особенно заметно в песнях Галича и Высоцкого. В субъективной «сниженности» имен персонажей (Колька, Витька, Генка, Нинка, Ритка и под.) находит свое отражение речевая культура среды, в которой живет персонаж. Сниженность имени — один из показателей неуважения к человеку со стороны малокультурного общества, где в ходу обращения типа Люська-дура. Список таких имен весьма обширен у обоих поэтов.

Прозвище. Именование персонажа прозвищем следует признать нехарактерным для текстов авторских песен. Даже те поэты, которые воссоздают в своих произведениях быт и нравы тех слоев населения, где подобные номинации широко употребительны, редко прибегают к данному способу обозначения персонажа (Клещ, Толян Рваный у Высоцкого, Леха-Каин у Галича, «Чирей, Рыло, Два Гуся и Хохол» у Анчарова). Герои Визбора и Окуджавы из молодежной среды получают отфамильные прозвища — Коля Зять (Зятьев), Король (Королев), причем именование последнего подобно титулу: «Ребята уважали очень Леньку Королева И присвоили ему званье Короля» (Ок.). У А. Городницкого упоминается партийный псевдоним-прозвище Сталина — Коба.

Имя+фамилия. Данная группа номинаций особенно представительна у Высоцкого, Галича, менее — у Визбора, Кима, Окуджавы; единичны случаи употребления этой модели у Анчарова и Городницкого. Сочетание полного имени с фамилией используется при нейтральном обозначении какого-либо лица. Такая формула именованья может носить официальный или приближенный к официальному характер — напр., в «спортивных» песнях Высоцкого: «Борис Буткеев

(Краснодар) Проводит апперкот»; «В это время наш Бескудников Олег зазнался». У Галича так обычно именуется уважаемый героем человек — Давид Ойстрах, Арон Копштейн.

Друзья и знакомые говорящего часто обозначаются двусловной моделью «модифицированное имя + фамилия». К этому способу номинации прибегают Ю. Визбор (Сергея Санин, Миша Хергиани, Саша Седых, Владик Коп, Белова Танечка), Б. Окуджава (Ленька Королев, Ванька Морозов, Володя Высоцкий), А. Городницкий (Юра Визбор). У Галича и Высоцкого таким образом именуются знакомые, с которыми герой находится в самых разных отношениях: Львова Клавка, Тамарка Шестопал, Ванька Дерганов, Павлик Коган (Гал.); Мишка Ларин, Саня Соколов, Гурьев Тимошка, Попов Вовчик (Выс.). У Ю. Кима номинации Миша Ульянов, Толя Папанов передают отношение героини — театральной гардеробщицы — к известным артистам, знакомством с которыми она гордится.

Имя+отчество. Единичные случаи употребления построенных по данной модели формул именования, применяющихся по отношению к хорошим знакомым, уважаемым, старшим по возрасту людям (лишь у М. Анчарова — по отношению к животному) отмечены нами в текстах всех авторов: Виталий Палыч, Николай Васильевич (Визб.), Александр Сергееч (Ок.), Булат Шалвыч, Владимир Семеныч, Василь Кирилыч (Ким), Евдоким Кирилыч, Гися Моисеевна (Выс.), Никита Иваныч, Матвей Иваныч (Гор.), Любовь Давыдовна, Ксения Павловна (Гал.). Больше всего таких формул в текстах Галича, использующего их в ситуации официального разговора: «Вставай, Егор Петрович, Не подводи страну!» или «И племянница моя, Нина Саввовна, Она думает как раз то же самое».

Такие формулы выступают в ситуации реального или воображаемого общения как форма уважительного обращения: «Дорогой Булат Шалвыч, а также Владимир Семеныч! (Ким); «Так давайте ж, Любовь Давыдовна, начинайте, Любовь Давыдовна... (Гал.); «И я шепчу: «Постой, Виталий Палыч!» (Визб.). Именуя известного человека по имени-отчеству (без фамилии) вне ситуации общения, герой подчеркивает уважение к данной личности, свободное от официальности, — напр., у Окуджавы: «А все-таки жаль, что нельзя с Александром Сергеечем Поужинать в «Яр» заскочить хоть на четверть часа» или Визбора: «Друг наш Николай Васильевич Улыбался сквозь туман».

Имя+отчество+фамилия. В текстах авторских песен есть единичные трехсловные именования, причем имя и отчество могут выступать и в форме инициалов: Н. Н. Зятёв (Визб.), Е. Б. Изотов (Выс.), Антон Палыч Чехов (Ок.). Кузьмин Кузьма Кузьмич, Егор Петрович Мальцев, Беленький Я. И., Копылов Н. А. (Гал.), Вячеслав Михайлович Молотов (Гор.). Подобные номинации вносят в текст оттенок официальности, что особенно характерно для формул с инициалами. Полное трехсловное именование обычно относится к главному герою песни («Бессмертный Кузьмин», «Баллада о сознательности» А. Галича, «Волшебная сила искусства» Ю. Кима). Официальность такого именования может сочетаться с выражением подлинного уважения к его носителю. Таково именование А. П. Чехова в песне Б. Окуджавы «Антон Палыч Чехов однажды заметил...» и Ю. Визбора «Волейбол на Сретенке» (приятель детства героя «майор десантных войск Н. Н. Зятёв Лежит простреленный под городом Герат»).

Таким образом, в авторской песне представлены разнообразные модели антропонимов. Различны и выражаемые соответствующими формулами эмоциональные и экспрессивно-стилистические оттенки. Представляется справедливым признать номинативно-экспрессивную функцию антропонимов едва ли не главной в авторской песне — во всяком случае, наиболее универсальной, — в то время как, например, апеллятивная функция далеко не всегда имеет возмож-

ность своей реализации (ситуации обращения одного героя к другому нередко, но имя адресата в ряде случаев не указывается).

Собственные имена в художественном тексте называют персонаж, дают ему не только «внешнюю» (социальную, национальную), но и «сущностную» характеристику, сообщают читателю авторскую оценку данного персонажа. Представляется необходимым отметить, что на имя собственное в некоторых случаях ложится значительная смысловая и художественная нагрузка. Иногда именно антропониму «доверяется» передача авторской идеи. Так, мысль об уходящей молодости у М. Анчарова выражена следующим образом: «Пора Эсхила путать с Эмпедоклом, Пора Джульетту путать с Мазина». Фразы типа «обзывали жуликом и Поллаком» (Гал.) или «Вот только я фамилию забыл. Не то Лев Швейцер, Не то Альберт Толстой» (Ким) дают яркое представление о культурном (шире — духовном) уровне людей, употребляющих эти имена, у Ю. Кима путем отсылки к известным именам дается портретная характеристика персонажа: «Говорят обо мне, что я в профиль Утесов И Муслим Магомаев — анфас»; «Как лорд Байрон, рукой подбоченясь, Как Печорин, кручу я свой ус».

Имя может получить в тексте статус обобщенности. Так, Ванька в «Песне строителей Петровского флота» А. Городницкого — это собирательный образ русского человека, трудолюбивого, умелого, бодрого духом, патриота России. Уничижительное «Ванька» в тексте звучит как насмешка не над русским мужиком, а над теми, кто его считает ниже себя: «Тешилась над нами Барская лоза. Били нас кнутами, Брали в железа... Ты, боярин, глянь-ка, Разевая рот, Как холоп твой Ванька По морю плывет».

В авторской песне есть примеры сближения собственных имен с нарицательными в тех случаях, когда автор использует форму множественного числа (при сохранении прописной буквы): «А мы утешаем своих Маргарит, Что рукописи не горят»; «Оболваненные Сартрами Всех размеров и мастей» (Гал.); «Товарищи ученые, Эйнштейны драгоценные!», «А Насеры б после нас простили» (Выс.). Собственное имя оказывается способным не только индивидуализировать, но и обобщать.

Творческий подход к собственному имени в текстах авторских песен проявляется и в видоизменении формы или состава антропонима. Это может быть вкрапление в двух- или трехсловную модель нарицательного имени: «Я сослуживца недавно назвал Мао — простите — Цзедуном!» (Выс.); «За что ж вы Ваньку-то Морозова?» (Ок.); «Вячеслав наш Михайлович Молотов Принимает берлинских друзей» (Гор.). Подобные включения способствуют созданию живой разговорной интонации речи. Отметим и русификацию иностранных имен (напр., когда речь идет о симпатичном автору-герою человеке): «Некто Вольфганг Амадеевич Слал нам ноты из-за облака» (Визб.); «Молодец Матюша Руст, Пошутил по-русски: И смышленный, и не трус, И сидит в кутузке!» (Ким).

Классики авторской песни проявляют большую чуткость в выборе формы имени. В зависимости от обстоятельств, отношения к персонажу один и тот же человек может именоваться то уменьшительным, то полным личным именем, то фамилией и т. п. Особенно ярко это проявляется в песнях А. Галича (Леночка — Потапова — Эл Потапова; Нинулька — Ниночка — Нина Саввовна и др.). Персонаж песни Ю. Визбора, начавший жизнь как «Коля Зять, известный вор», заканчивает ее как «майор десантных войск Н. Н. Зятьев».

В заключение приведем списки собственных имен, составляющих четыре наиболее заметные тематические группы: имена деятелей литературы; имена деятелей искусства; имена героев литературных произведений, мифов и под.; имена исторических деятелей.

Деятели литературы

М. Анчаров: Высоцкий. Грин, Матвеева, Окуджава, Пушкин, Эсхил;
Ю. Визбор: Волошин, Гоголь, Грин, Николай Васильевич (Гоголь — Е. К.), Окуджава («окуджавская струна»), Островой, Ошанин, Пастернак, Пушкин;
В. Высоцкий: Байрон, Блок, Гоголь, Данте Алигьери, Достоевский, Киплинг, Маяковский, Пушкин, Рембо, Толстой, Шиллер, Эзоп; **А. Галич:** Александрович (Блок — Е. К.) Бабель, Блок, Даниил (Хармс — Е. К.), Марина (Цветаева — Е. К.), Павлик Коган, Пушкин, Сартр, Шекспир; **А. Городницкий:** Анна (Ахматова — Е. К.), Андерсен, Вяземский, Блок, Горький, Лермонтов, Пастернак, Пушкин, Светлов, Юра Визбор; **Ю. Ким:** Байрон, Бальзак, Берт Брехт, Булат, Булат Шалвыч (Окуджава — Е. К.), Владимир Семеныч (Высоцкий — Е. К.), Галич, Генри, Гете, Жан Поль Сартр, Жванецкий, Капнист, Купер, Курт Вайль, Лев Толстой, Лондон, Майн Рид, Островский, Поль де Кок, Толстой, Шекспир, Ювенал; **Б. Окуджава:** Александр Сергеевич (Пушкин — Е. К.), Антон Палыч Чехов, Белла (Ахмадулина — Е. К.), Володя, Володя Высоцкий, Пушкин, Фазиль (Искандер — Е. К.), Юра (Юрий Визбор — Е. К.).

Деятели искусства

М. Анчаров: Бах, Ван Гог, Кандинский, Карузо, Мазина, Пикассо, Сезанн;
Ю. Визбор: Виктор Хара, Вольфганг Амадеевич (Моцарт — Е. К.), Дали, Дейнека, Левитан, Моцарт, Налбандян, Чюрленис; **В. Высоцкий:** Бетховен, Кобзон, Леонардо да Винчи, Магомаев, Макарыч (Шукшин — Е. К.), Марсель Марсо, Марчелло (Мастрояни — Е. К.), Радж Капур (Капур), Рафаэль, Чарли Чаплин; **А. Галич:** Бах, Вермеер, Давид Ойстрах, Клодт («клюдтовы кони»), Мэрилин Монро, Поллак, Репин, Целиковская, Шопен; **А. Городницкий:** Винчи, Трезини, Уланова; **Ю. Ким:** Бах, Броневой, Доницетти, Дуров, Моцарт, Миронов, Миша Ульянов, Муслим Магомаев, Паганини, Россини, Смоктуновский, Утесов, Толя Папанов; **Б. Окуджава:** Моцарт.

Герои литературных произведений, мифов и т. п.

М. Анчаров: Аэлита, Джульетта, Золушка, Козьма Прутков; **Ю. Визбор:** Мазай, Робинзон, Фагот; **В. Высоцкий:** Джеймс Бонд, Гулливер, Джоконда, Джульетта, Иван (сказочный герой — Е. К.), Кассандра, Людмила, Мона Лиза, Робин Гуд, Черномор; **А. Галич:** Добрыня, Золушка, Елена, Кармен, Красная Шапочка, Маргарита, Одиссей, Орфей, Офелия, Федра, Эскамилие (Эскамильо); **А. Городницкий:** Галатея, Гамлет, Германн, Ленский, Лир, Одиссей, Пенелопа, Тезей, Телемак; **Ю. Ким:** Гарун-аль Рашид, Дон Кихот, Дульсинея, Илья Муромец, Макбет, Мэкки, Печорин, Яго; **Б. Окуджава:** Дон Кихот, Донна Анна, Дульсинея, Маргарита, Офелия.

Исторические деятели

М. Анчаров: нет; **Ю. Визбор:** Киров, Красин; **В. Высоцкий:** Абрам (Авраам — Е. К.) Линкольн, Анджела Дэвис, Берия, де Голль, Жорж Помпаду, Иван Калита, Ли Сынман, Линь Бяо, Лю Шаоцы, Ляо Бянь, Мао, Мао Цзедун, Маркс, Моше Даян, Наполеон, Насер, Никсон, Олег, Ришелье, Сталин. Цезарь, Цин Цзянь, Черчилль, Хрущев, Хомейни; **А. Галич:** Александр Полежаев, Арина Родионовна, Борис и Глеб, Буденный, Гамильтон, Гитлер, Мамай, Нестор, Олег, Пимен, Сталин, Ярославна; **А. Городницкий:** Александр, Бенкендорф, Брут, Вячеслав Михайлович Молотов, Генрих Шестой, Желябов, Йорк, Клеопатра, Коба, Константин, Ланкастер, Марфа (посадница), Матвей Ивыныч (Муравьев — Е. К.), Николай, Павел, Перовская, Петр, Понтий Пилат, Риббентроп, Соня (Перовская — Е. К.), Сталин; **Ю. Ким:** Александр Второй, Мария Стюарт, Наполеон, Нерон, Раевский, Чингисхан; **Б. Окуджава:** нет.

Литература

1. Фролов Н. К. Функции антропонимов в художественном тексте // Духовная культура Сибири: проблемы межнациональных связей, философии, филологии и истории. Тюмень, 1994. С. 157-164.
2. Материал выбран из следующих сборников: М. Анчаров. Звук шагов. М., 1992 (Анч.); Ю. Визбор. Я сердце оставил в синих горах. М., 1989. 3-е издание (Визб.); В. Высоцкий. Сочинения в двух томах. Т. 1. Песни. М., 1995 (Выс.); А. Галич. Петербургский романс. Л., 1989 (Гал.); А. Городницкий. Острова в океане. Песни. М., 1991 (Гор.); Ю. Ким. Летучий ковер. М., 1990 (Ким); Б. Окуджава. Песни Булата Окуджавы. М., 1989 (Ок.).
3. Евтюгина А. А. Прецедентные тексты в поэзии В. Высоцкого. Автореф. дис... канд. филол. наук. СПб, 1995.

О. В. Коротун (Омск)

ПРИОРИТЕТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА В ОБЪЯВЛЕНИЯХ О ЗНАКОМСТВЕ

Приоритетные характеристики — это те, которые авторам объявлений представляются соответствующими идеалу избранника или избранницы, ориентированы **прагматически**, считаются необходимыми и достаточными для благополучной жизни. Цель статьи — выявить традиционные и относительно новые представления о **человеке** в языковой картине мира, которая прямо воплощается в словесных характеристиках автора и адресата. Жанр «**объявление о знакомстве**» дает обширный материал для исследований подобного рода, хотя и не является исконным в традициях русской культуры: брачные объявления пришли к нам с Запада и впервые появились в газетах примерно в середине 1970-х годов. **Коммуникативный регистр** «объявления о знакомстве» — информативно-описательный; **коммуникативная интенция** адресанта двунаправлена: «сообщить о себе самом и охарактеризовать возможного адресата с точки зрения желаемых качеств» [Золотова и др., 1998. С. 20-35]. В данном речевом жанре информация тесно переплетена с **описанием**: адресант не только сообщает место своей работы, привычки, вкусы, но и дает портретную характеристику себе и потенциальному адресату. **Композиционно** объявление о знакомстве делится на две части: 1) «я сообщаю о себе»; 2) «мои представления о том (той), кто нужен (нужна) мне». **Прагматическая установка (цель)** — «найти человека (для встреч, брака, дружбы и под.), наиболее полно отвечающего моим представлениям об идеале; эта цель чаще всего выражается следующими речевыми формулами: «(я) ищу», «(мне) нужен (нужна)», «хочу познакомиться», «познакомлюсь» или теми же лексемами, но в форме 3-го лица (возникает некая отстраненность автора объявления от своего текста).

Прежде чем приступить к анализу приоритетных характеристик мужчин и женщин, важно отметить, что современное русское сознание базируется как на традиционных (народных, славянских), так и на западных представлениях о социальных ролях, внешности, внутренних качествах мужчины и женщины. Христианская культура требовала четкого разделения мироустройства, домоустройства на «женское» и «мужское». Эта традиция, тесно переплетенная на Руси со славянской, была закреплена в таких трактатах, как «Домострой», «Юности честное зерцало»: от женщины требовалась прежде всего доброта, покорность, хозяйственность; от мужчины — умение быть хозяином в доме, служить Отечеству. Светская культура предъявляла особые требования не к внутреннему миру человека, а к внешнему облику, поведению, манерам, «изящным занятиям». Журналы мод, а впоследствии и телевидение, фильмы формировали приоритеты, и прежде всего в отношении **образа** человека. Как отмечает искусствовед Т. Чередниченко: «Традиционная культура под «достоинством» личности подра-